

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.01:339.137.2

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТОВАРОВ ОДНОГО РОДА

М.В. Петрищев

Тверской государственной университет
Кафедра экономической теории

Установлено различие основания и условия осуществления конкуренции; доказывается, что генетическая основа конкуренции – это противоречие частной и общественной сторон деятельности товаропроизводителей, что без конкуренции это противоречие неразрешимо, ибо создает на рынке монополию частной деятельности.

Ключевые слова: *генетическая основа, условие конкуренции, противоречие деятельности товаропроизводителей, частный труд, абстрактно-общественный труд, сведение частного труда к общественному, конкуренция.*

Исходным пунктом теоретического познания конкуренции может быть только то, что ее порождает, т.е. ее генетическая основа. Когда же полагают, что «исходным пунктом изучения конкуренции ... является исследование содержания ее механизма ... первой составной частью этого механизма является источник конкурентного преимущества» [1, с. 17], то вопрос о «родителе» конкуренции уже снят, она уже есть, и можно приступить к исследованию ее анатомии, чтобы определить условия ее преимущества у каких-то субъектов конкуренции и для их победы над другими. На уровне маркетинговых исследований этот подход не вызывает возражений.

Иное дело – объективная обусловленность конкуренции внутри рынка товаров одного рода (товаров, имеющих в основе одинаковые полезные свойства), которая предстает как действие какой-то причины, так как «всякое действие есть явление, отличное от своей причины» [11, с. 32]. Более того, в основании конкуренции этого рода необходимо найти первопричину, а не указание на непосредственное, кажущееся. Так, если основанием конкуренции считать ограниченность, редкость благ, ресурсов, то это будет: 1) простой перефразировкой превышения их спроса над предложением; 2) игнорированием того «факта», что у Робинзона редкость благ была, а конкурировать было не с кем; 3) невниманием к тому, что в «современной экономике редкость ресурсов в (например, информационных – М.П.) заменена на их распространённость» [5], а конкуренция их продавцов сохраняется.

Равным образом, не определяется основание конкуренции, если указывают на *множество* продавцов или множество покупателей. Это множество – не основание (причина), а только *условие* осуществления конкуренции. Так, если количество субъектов, продающих товары одного рода сократится, это не ведет к отмене основания их конкуренции, но ведёт к подрыву условий её осуществления. Также и феодальная регламентация условий производства и продажи товаров ведет к ограничению или ликвидации конкуренции: основание остаётся, а обоснованного не будет. Причина, генетическая основа – это одно, а условие её осуществления – это нечто иное. Уже поэтому основа определяется на теоретическом уровне знания, а условие – на эмпирическом. В основании конкуренция ещё только «положена», а сам процесс конкуренции есть *исполнитель* основания. Поэтому теоретический анализ конкуренции возможен только после того, как познано её основание, т.е. то внутреннее противоречие, которое присуще деятельности товаропроизводителей.

Эта деятельность в своём конкретном, непосредственном виде выступает как *частная*. Действительно, конкретный труд каждого товаропроизводителя различается качественно и количественно по трем своим моментам: 1) рабочая сила, 2) средства производства, 3) род производимого блага. Это три вечных момента всякого конкретного труда. Сами по себе их различия не определяют деятельность товаропроизводителей. Различие конкретного труда *товаропроизводителей* не в том, что в одном виде конкретного труда используется рабочая сила сапожника, а в другом – слесаря, не в том, что первый использует кожу, а второй – металл, не в том, что первый произвел обувь, а второй – выточил конкретную деталь. Такое различие видов конкретного труда не создает ни товара, ни рынка. Из них не возникают конкретно-исторические общественные отношения, а есть только профессиональное разделение труда. Работники могут шить обувь или вытачивать детали для собственного потребления. Конкретный труд тогда не является ни частным, ни непосредственно общественным, поскольку имеет место натуральное хозяйство.

Иной вопрос – различие конкретного труда товаропроизводителей. У них все три указанных момента труда (рабочая сила, средства труда, благо) обществом до акта производства никак не определены: их объем, вид и интенсивность использования есть частное дело каждого товаропроизводителя. Например, каждый сапожник как товаропроизводитель может быть умелым или неумелым, работать интенсивно или в полсилы и т.п. Далее, у одного сапожника кожа хорошая, а у другого – плохая. Наконец, один из них изготовил сапоги качественные, а другой – «худые».

Следовательно, различие труда товаропроизводителей не только в их разных видах, а в их *частной природе*. Определение конкретного труда товаропроизводителей как частного – это определение способа его включения в труд общества. Он не может войти в счет общественного труда в своем конкретном, непосредственном виде, ибо выполнялся как обособленный труд

Обособление товаропроизводителя не есть изоляция, как у Робинзона. Ведь товаропроизводитель работает для присвоения его результата другими людьми, обществом. Стало быть, конкретно-частный труд с самого начала должен быть готов к проверке на общественную потребность и общественную нормальность по расходу рабочей силы при нормальных средствах производства. Поэтому каждый товаропроизводитель уже до акта производства представляет какими средствами производства он должен выполнять труд, какими способностями к труду он должен располагать и как их расходовать, какого рода должен быть товар и какими полезными свойствами он должен обладать.

Однако у каждого товаропроизводителя всегда есть различия его конкретного труда, и оно может быть громадным из-за того, что его производительность, качество товара и спрос на него существенно отличны. Такой труд не может быть основой обмена товарами, так как воплощенный в товарах труд в своем конкретном виде во всех своих моментах различен как частный труд. Поэтому он может быть признан обществом только путем полного *абстрагирования* от каждого из частных моментов конкретного труда, что и делает труд *абстрактно-общественным*.

Абстрагирование состоит не только в сведении частной рабочей силы к общественной рабочей силе. Иначе говоря, один и тот же физиологический труд, одна и та же общественная рабочая сила, может быть затрачена при разных частных средствах производства, может быть воплощена в разных по полезности частных благах, и уже поэтому абстрактный труд качественно и количественно не равен физиологическому труду. Абстрактный труд – это общественно-экономическое отношение, а не физиология. Физиологический труд должен быть предметом изучения физиологов, а не экономистов.

Из изложенного ясно, что природа абстрактного труда должна быть определена следующим образом: это *форма общественного труда как противоположность конкретного труда, имеющего частный характер*. Именно это противоположение и составляет смысл общественного отношения (противоречия) товаропроизводителей в рыночном обмене ими результатами труда. Снятие «частности», ее превращения в «общественность» посредством конкуренции и есть абстрагирование труда товаропроизводителей. Его генетическая причина (основание) – частный труд в его конкретной форме [10,

с. 418], а природа абстрактного труда – «снятый частный труд», т.е. опосредованно общественный труд. «Отношения, в которые вовлечены капиталисты, являются опосредованно общественными ... общественное опосредовано частным» [3, с. 76].

Что означают абстрактная рабочая сила, абстрактные средства производства, абстрактное благо? Ответ на эти вопросы состоит в следующем.

Конкретно-частные рабочие силы каждого производителя различны, но они должны в производстве соответствовать общественно средней рабочей силе. А это означает, что абстрактная рабочая сила есть форма общественной рабочей силы как противоположность конкретно-частной рабочей силы. Здесь еще раз обнаруживается недопустимость отождествления абстрактного и физиологического труда. Сведение конкретно-частной рабочей силы к абстрактно-общественной рабочей силе предполагает не только приведение индивидуальной интенсивности труда к общественно нормальной, но и редукцию сложного труда к простому: если мускулы, мозг и нервы разных товаропроизводителей сводятся к простому труду, то все они сводятся в основном к «мускулам», и физиология в качестве абстрактного труда отрицается.

Что касается абстрактных средств производства, то они определяются в процессе *сведения* конкретно-частных средств производства (лучших, средних, худших) к общественно-нормальным и потому абстрактным. Иначе говоря, все конкретные средства производства товара – не общественно нормальные, а разные, частные. И поэтому товарообмен требует абстрагирования от конкретно-частных средств производства. А это еще означает, что один и тот же физиологический труд будет при разных конкретно-частных средствах производства, весьма различен, когда выражается как абстрактный труд.

Заблуждения относительно природы абстрактного труда можно показать на следующем условном примере: есть два номинально равных капитала, но один старой технологии, а другой – новой.

На обоих предприятиях равное количество работников и поэтому номинально равна их капиталовооруженность, но их производственные возможности различны.

Данное утверждение исходит из равенства *номинального* выражения величины капитала, т.е. *частного* выражения его величины. На самом деле *общественная* его величина различна, поскольку «один старой технологии, а другой – новой». Как частные они должны быть сведены в рыночном процессе к общественно-нормальным. Тогда капитал «старой технологии» стоит меньше капитала «новой технологии», а соответственно и капиталовооруженность работников на предприятиях будет разной, а отсюда возникает – различие производственных возможностей.

Наконец, абстрактное благо (хотя это странно звучит) есть единственно возможная форма блага для общества как противоположности конкретно-частного блага. Это означает, что последнее сводится по его: 1) соответствию общественной потребности (в частности рыночному спросу); 2) соответствию общественно нормальному качеству в своем роде товара.

Ответственность за это соответствие несёт каждый частный товаропроизводитель, определяющий, какого рода товар и какого качества должен производиться, чтобы он был продан.

Как видно, абстрактный труд о п о с р е д о в а н общественной пользой. В бытовом же сознании это предстает как различие стоимости и полезности. Обычно их представляют как противоположности, но «забывают» об их единстве, о том, что друг без друга они не существуют. «Обе стороны отношения положены как обуславливающие друг друга» [2, с. 154], и потому бесполезное не имеет стоимости. Она не существует сама по себе вне общественно-полезного товара. *Общественная полезность есть один из моментов формирования абстрактного труда, снятия частной полезности.*

Пример на этот счет состоит в том, что высококвалифицированный интенсивно функционирующий совокупный работник, использующий самые современные средства производства создает вещь, в которой нет общественной потребности. В таком случае его абстрактно-общественный труд равен нулю. Понимание стоимости и ее величины как среднеотраслевых затрат труда [4, с. 22–23, 41, 50] игнорирует общественную полезность как определяемую системой общественных потребностей. При таком подходе «полезность рассматривалась как фактор, порождающий отклонение цен от стоимости» [4, с. 6]. Такое понимание формирования стоимости на *единицу общественной полезности* представляет последнюю не как внутренний момент определения самой стоимости товара, а как внешний фактор, воздействующий на нее [4, с. 116].

Все это происходит из-за отсутствия исследования теории блага, которое (а не товар-вещь) и есть носитель стоимости. Цитируемый здесь автор верно утверждает: «Подход к полезности как компоненту общественного, соответственно абстрактного труда (субстанции стоимости) не только помогает раскрыть ошибочность одной из наиболее важных посылок маржиналистской концепции ценообразования. Он реже дает возможность показать, что эмпирический материал, который свидетельствует об устойчивом закономерном изменении цен под воздействием полезности и на который обычно ссылаются маржиналисты, критикуя теорию трудовой стоимости, не опровергает, а подтверждает ее» [4, с. 138].

Чтобы выполнить общественный труд, нужно создать благо, общественно-полезную вещь. Но везде, где есть способ реализовать

товар как стоимость *без действительного ее воплощения в благе*, предприниматель тут же воспользуется этим способом и попытается нулевой объем абстрактно-общественного труда представить как значительный. Покупатель всегда находится под такой угрозой.

Или напротив, предположим, что товаропроизводитель на рынке предлагает покупателям «войти в его положение» и считать его конкретные (частные) условия и затраты производства основой обмена. Он может говорить, что у него большие затраты труда, так как он старался, но средства производства у него плохие, хуже чем у других, что поставщик «всучил» ему плохое сырье и т.п. Словом, он просит *не абстрагироваться* от конкретных условий его труда. Неужели не понятно, что ему ответят покупатели, если есть другие продавцы? И напротив, другие производители такого же товара, имеющие малые затраты частного труда на единицу продукта, будут решительно против, если им предложат обмен по их конкретно-частному труду. Здесь «возражать» будут уже не покупатели, а продавцы.

Определение абстрактного труда как «человеческого труда без всякого дальнейшего качества» [7, с. 54], как труда лишенного всяких качественных различий, указывает на его количественную соизмеримость (раз он качественно однороден) [9, с. 38]¹, но может привести к его толкованию как какой-то пустоты, абсолютной абстракции.

Но, во-первых, пределом абстракции здесь выступает то, что одинаково в конкретно-частных затратах труда. В абстрактном труде «снимается» не все до «ничто», а только конкретность, *частного труда*, а не так, что якобы «абстракция от потребительной стоимости товарного тела будет фактически означать абстракцию от самого товара» [8, с. 58]. Абстракция совершается от «потребительной стоимости» только в той мере, в какой она *частная* (по качеству и потребности в ней).

Во-вторых, абстрактный труд обладает конкретностью в том смысле, что он не просто «труд вообще» во веки веков, а человеческий труд вообще в каждый конкретный период, в конкретном общественном производстве, с конкретной материальной базой, конкретным развитием человеческих рабочих сил и в конкретном роде товара.

Если изменятся конкретно-частные затраты на производство товара, то получится иной общественно-абстрактный труд. В этом смысле абстрактный труд весьма конкретен. А то, что он непосредственно не наблюдаем (как в силу своей природы, так и в силу стихийности выявления и быстроты изменения) – это иной вопрос.

¹ «И еще на одно свойство денег обращает внимание Зиммель: на их способность превращать индивидуально неповторимые вещи, состояния, человеческие качества в количественные, калькулируемые объекты».

Для ответа на этот вопрос нужно, прежде всего, осознать, что «мир, являющийся объектом научного исследования, состоит не только из событий, данных нам в опыте или в восприятии, но и из (несводимых к ним) структур, механизмов, движущих сил и тенденций, которые хотя и не являются напрямую наблюдаемыми, но тем не менее, лежат в основе реальных событий, управляют ими...» [6, с. 86]. Из того, что никто не наблюдал абстрактного труда не следует, что его не существует в экономической реальности. Только деньги есть чувственно наблюдаемая абстрактно-всеобщая форма богатства, абстрактно-всеобщее благо.

Действительное проявление абстрактного труда состоит в следующих уровнях его существования: 1) абстрактно-общественный труд образует основу обмена товаров, меновую стоимость; 2) с появлением денег меновая стоимость проявляется как цена товара; 3) эта цена сначала предстает как выражение индивидуально-частного труда в форме *индивидуальной цены предложения*; 4) в процессе внутрирыночной конкуренции индивидуальные цены предложения однородного товара разными товаропроизводителями сводятся к их средним значениям, которые *выражают* абстрактно-общественный труд. Это не значит, что рыночная конкуренция определяет стоимость и рыночную цену товара. Конкуренция только *выявляет* эту цену. Она есть своего рода инструмент, превращающий индивидуальные цены предложения и спроса в среднерыночные. По сути, конкуренция «перерабатывает» конкретно-частный труд в абстрактно-общественный, выступающий в виде среднерыночных цен. Последняя при равенстве спроса и предложения *определяется* стоимостью, но *выявляется* посредством рыночной конкуренции.

Так если некоторое множество товаропроизводителей имеют индивидуально-частные средние издержки от 50 до 100 рублей на единицу товара одного рода, а общественно средние издержки (включающие и нормальную прибыль) и среднерыночная цена – 80 рублей за единицу, то при нововведениях в факторах производства у этих товаропроизводителей произойдет изменение в их индивидуально-частных издержках (например, от 40 до 90 рублей за единицу) и средне-общественные издержки и рыночная цена составят около 70 рублей за единицу.

Без конкуренции нет сведения конкретно-частного труда к абстрактному, нет разрешения противоречия частного и общественного труда. Рыночная цена, конечно, колеблется во времени при изменениях соотношения спроса и предложения данного рода товара, становясь то равновесной, то неравновесной, что провоцирует межрыночную конкуренцию. При межотраслевой конкуренции рыночная цена превращается в цену производства.

Это и есть превращенные формы рыночных отношений, как последовательные ступени явлений абстрактного труда. Уже начиная с меновой стоимости, абстрактный труд получает наличное бытие, доступное не только научному, но и чувственному познанию, подтверждающее объективную реальность абстрактного труда. Другое дело, что сами эти превращенные формы «положены» природой абстрактного труда, и он сам, поэтому представляется мнимым и сложным для восприятия.

Люди не могут сознательно приравнивать конкретные виды труда к абстрактному. Такое приравнивание, во-первых, совершается только стихийно, во-вторых, оно происходит только в товарообмене, на рынке. Все виды труда, овеществленные в товарах и реализуемые на рынке, сводятся к абстрактному труду только в конкурентном процессе. Он – исполнитель сведения частной деятельности и общественно необходимой.

Список литературы

1. Воронов А. Конкуренция в XXI веке //Маркетинг, 2001. – №5. – С. 16–24.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 415 с.
3. Губанов С. Трудовая парадигма: А. Смит против «неоклассики» // Экономист, 2009. – №3. – С. 57–80.
4. Коган А.М. Деньги, цена и теория трудовой стоимости (новая практика теории трудовой стоимости). – М.; Финансы и статистика, 1991. – 280 с.
5. Crawford R. In the Era of Human Capital. L. – N .Y., 1991.
6. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики, 2006. – № 2. – С.75 –98.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.23. – М.: ГИПЛ, 1962 – 907 с.
8. Сагадиев Н.К. Принцип относительности // Экономические науки, 2009. – №11(60). – С.54 –62.
9. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический / аспекты) //Вопросы философии, 2004. – № 3. – С. 37 –43.
10. Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм». Пер. с нем. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2002. – 482 с.
11. Юм Давид. Сочинения в двух томах. – Т.2 / пер. с англ. – М.: Мысль, 1996. – 1535 с.

GENETIC PRINCIPLE OF COMPETITION AT THE MARKET OF SINGLE-TYPE PRODUCTS

M.V. Petrishev

Tver State University
Department of Economic Theory

The author identifies the difference between the basis and the conditions for competition. He proves that the genetic principle of competition is a contradiction between private and public producers' activity. It's impossible to solve the conflict without competition because of monopoly in individuals' activity.

Keywords: *genetic principle, conditions for competition, contradiction in producers' activity, private labour, abstract-social labour, transformation of private labour into social, competition.*

Об авторах:

ПЕТРИЩЕВ Максим Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Тверского государственного университета, e-mail: economteor@tversu.ru